

Гаиблы Санан,

м. Київ, Україна

УДК 378.005.6

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье определяются основания, вынуждающие пересмотреть роль, теоретические и практические основы азербайджанской внешней политики, которая уже не может толковаться исключительно как инструмент налаживания отношений с другими государствами, а превращается в мощный фактор внешнего и внутреннего развития системы государственного управления Азербайджана.

Ключевые слова: государственное управление, общество, внешняя политика, трансформация, демократическое государство.

The author defines the fundamentals forcing to review the role, theoretical and practical basics of Azerbaijan foreign policy, which cannot be interpreted only as an instrument of establishing relationships with other states but also, as becoming powerful factor of development foreign and home system of state management of Azerbaijan.

Key words: government, society, foreign policy, transformation, democratic state

Азербайджан, который, с одной стороны, имеет многовековое культурное наследие мусульманского Востока, а с другой – в последние 200 лет был ориентирован на Россию и с помощью нее (сначала в рамках Российской империи, а затем Советского Союза) приобщался к ценностям европейской культуры, был вынужден сталкиваться с достаточно напряженными дилеммами социокультурного развития [1].

Примером такого рода дилемм для азербайджанского общества на рубеже XIX–XX вв. было известное противопоставление и противоборство национальной идентичности, которая находилась в состоянии зарождения, с царской политикой «Русификации», а также с мусульманской идентичностью, которая носит наднациональный характер. «Культурная революция» советского периода 20–30-х гг. XX в. в Азербайджане характеризовалась социокультурными коллизиями, которые порой приобретали откровенно драматический характер. И хотя некоторые из этих дилемм были решены (правда, с разной степенью успеха), получение Азербайджаном независимости и самостоятельности не только не принесло избавления от такого рода социокультурных дилемм, а наоборот, привело к новым, не менее напряженным.

Как отмечают исследователи Д. Фурман и А. Абасов, одним из важных факторов, который модифицировал азербайджанское сознание и во многом определил особенности его позднесоветского и постсоветского политического процесса заключается в том, что азербайджанцы дольше, чем любой другой мусульманский народ (кроме татар и башкир), были под прямым управлением европейских колонизаторов (русских) и, соответственно, дольше, чем любой другой народ, испытывали на себе действие европейской культуры. К концу прошлого века в Азербайджане сформировалась своя европейская образованная элита и происходила колоссальная культурная деятельность по созданию и синтезу европейских и традиционных национальных культурных форм и ценностей. В этот период азербайджанская элита оказывается впереди любого другого мусульманского народа (опять-таки за исключением татар) и не только в Российской империи, но и во всем мире. Это были первые «мусульманские» современного типа драматургия и опера, первая на территории Российской империи «мусульманская» газета и т. д. [7].

Таким образом, основная социокультурная дилемма Азербайджана в «эпоху глобализации» может быть сформулирована следующим образом: продолжится ли движение азербайджанского общества в сторону «европеизации» в рамках самостоятельного государства, или же придется наблюдать возвращение к «традиционным», условно говоря, «азиатским» нормам и ценностям? На первый взгляд может показаться, что никакой особой дилеммы нет, однако

дилемма возникает тогда, когда существует необходимость выбора из двух (обычно нежелательных) возможностей. В этом случае идея принятия и преобразования азербайджанского общества по западным нормам и ценностям почти единогласно принимается большей частью общества, в т. ч. его политическими элитами. Азербайджан активно сотрудничает со многими западными международными организациями, подключенными к разным проектам и реформам, которые с разной степенью успешности проводятся по рекомендациям западных экспертов [2].

По нашему мнению, обеим позициям присуще упрощенное понимание проблемы (дилеммы) стоящей перед азербайджанским обществом. Слабость «экономической» позиции состоит в том, что она упускает из виду человеческий фактор. Экономические реформы будут малопродуктивными без сопровождающих их ментальных преобразований общества. Коррупция, протекционизм, взяточничество – это только некоторые проявления ментальных особенностей населения, которые уже ставят под огромный риск перспективы развития общества, которое не сможет развиваться так, как это задумывалось «по плану» и в соответствии с рекомендациями экспертов. Слабость «гуманитарной» позиции состоит в том, что она слишком просто подходит к проблеме внедрения демократических институтов, упуская из виду сложность этой проблемы. Демократические институты являются продуктом весьма специфического развития общества, которое пока наблюдается только в западном мире и их нельзя просто взять и импортировать [6].

По этому вопросу существуют разные точки зрения. Некоторые из них сводятся к тому, что успехи в модернизации во многом зависят от типа культуры, которой принадлежит это сообщество. Так, например, одни страны и общества, в первую очередь, Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.), сумели добиться больших успехов в модернизации своих сообществ, сохранив при этом культурные традиции во многом неизменными, в то время, как другие, прежде всего исламские страны, по причинам культурного характера испытывают большие трудности при модернизации. Отсюда делаем вывод о том, что мусульманские страны должны коренным образом реформировать свои общества, то есть, до некоторой степени вестернизоваться. В связи с этим, закономерен другой вопрос: в какой степени возможны преобразования культур и ценностей, присущих традиционным обществам, под влиянием потока инноваций, идей и практик с Запада?

Этот вопрос также стал объектом внимания многочисленных исследований, в т. ч. авторитетного труда американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Азербайджан, будучи «предоставлен самому себе», должен неизбежно вернуться в сообщество государств, разделяющих общую «исламскую цивилизацию», с «безрадостными», как считает американский профессор, перспективами развития. Следует отметить, что концепция С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» справедливо критиковалась за гипертрофированный фактор культуры в ущерб другим факторам (например, экономическим и политическим), при объяснении взаимоотношений между государствами. Кроме этого, С. Хантингтона критиковали также за чрезмерно упрощенный подход к пониманию культур и цивилизаций как неких «гомогенных», не поддающихся адаптации и развитию во времени «неизменных» образований, если и способных меняться, то только по своим законам, согласно своей «души».

В эпоху революции, после распада Российской Империи в 1918–1920 гг. в Азербайджане функционировало первое на всем мусульманском Востоке государство образца парламентской демократической республики. Подобно Украинской Народной Республики, состоялось провозглашение Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Впервые на Ближнем и Среднем Востоке лидерами АДР были провозглашены и реализованы на практике такие общественные ценности, как народная власть, права человека, равноправие наций, равноправие мужчин и женщин, свобода слова, печати, союзов, которые в современном цивилизованном мире расцениваются как основные демократические нормы.

Среди политических образований, возникших на окраинах царской России после ее краха, Азербайджанская Демократическая Республика была одним из самых демократических

государств. В ее государственных структурах были представлены все имеющиеся на тот момент в Азербайджане политические партии, общественные организации, национальные меньшинства [1]. Непродолжительный опыт самостоятельного государственного бытия Азербайджана в начале XX в. показал волю политической элиты воплощать в жизнь демократические и либеральные принципы, соблюдать права и светские основы устройства. Тем не менее, это не означало полную готовность общества отбросить традиционные культурные устои, подтверждением чего является обострение проблемы политической незрелости широких слоев общества в последующие исторические периоды.

Пребывание Азербайджана в составе советского государства сопровождалось нарастанием противоречивых с точки зрения теории модернизации, тенденций. Вместе со всеми другими обществами СССР, азербайджанцы прошли свой путь т. н. «Социалистической модернизации», которая заключалась, с одной стороны, в выравнивании социального статуса населения, технической и социальной модернизации, приобретении административно-государственного опыта и т. д., а с другой – была обозначена репрессиями, русификацией, чрезмерной политизацией и идеологическим закрепощением. Также имело место предвзятое отношение со стороны имперского центра к азербайджанскому народу, как представителю мусульманского сообщества. Хотя в начале становления советской государственности имело место уважение мусульман, как сообщества, которое может бросить вызов европейскому колониализму и приблизить мировую социалистическую революцию.

Со времени окончательного оформления коммунистического проекта в форме советской империи – СССР, мусульмане оказались в роли дискриминированного по целому спектру возможностей сообщества. Азербайджанцы негласно дискриминировались в сфере образования и науки, специальностей высокой квалификации, партийно-бюрократической и военной карьере. Несмотря на официальные лозунги интернационализма, продолжая традиционную имперскую линию отношение к мусульманам, как к «инородцам», советское руководство достаточно неохотно имело дело с азербайджанцами и более склонно было прислушиваться к армянам и грузинам [1].

По наблюдению азербайджанского общественного деятеля Зардушта Ализаде, азербайджанцы до 1988 г. были в абсолютной массе верящие СССР, государственному строю, России. Хотя загнивание шло, коррупция въелась во все уголки общества, теневая экономика срачивается с госаппаратом, однако население, в силу природной пластичности, приспособилось к этим условиям и было органически чуждо к протестам и инакомыслию. Народ был настроен не менять порядки, а приспособливаться к ним. Главной задачей жизни для среднего азербайджанца было найти алгоритм, соответствие, угадать главный закон и правила поведения, вписаться в существующий порядок и добиться относительного материального благополучия. Слабый опыт политического участия населения и ухода от приобретения такого опыта были причиной практического отсутствия азербайджанских диссидентов при советской власти, и наконец, малой численности и непопулярности в массах прослойки политически активной интеллигенции [2].

Процесс перестройки и демонтажа Советского Союза, который длился со второй половины 1980-х гг. оказался для азербайджанской элиты (не говоря уже об абсолютном большинстве общества) абсолютной неожиданностью. Один из азербайджанских исследователей следующим образом описывает состояние азербайджанского общества накануне обретения им независимости в 1991 г.: «Незавершенность естественноисторического феодального развития в российской оккупации в начале XIX века и насильственное прерывание капиталистического развития в 1920-м г., искусственное втягивание в “социализм” не могли не привести к причудливому наслоению глубинных и эклектичных, абсолютно поверхностных представлений в менталитете, привычках, предрассудках, верованиях народа. При мощном потрясении карабахского конфликта, когда силовые магнитные линии событий стали влиять на эту аморфную и рыхлую массу, она довольно быстро и безропотно перестроилась под диктовку

“императива истории”. В ней, в этом императиве, и оказалась вся эклектичность общественного сознания и бытия азербайджанского народа. Всплыли на поверхность и актуализировались средневековые и первобытные представления, варварские стереотипы поведения, фантазмагорические утопии» [2].

В революционную эпоху Азербайджан вступил на этапе пробуждения от «спячки» мощным толчком извне – от армян, вектор национализма которых, по понятным историко-культурным причинам, был направлен не столько против России и за независимость, сколько против турок и азербайджанцев. Спокойствие и инфантильность народа были нарушены вопиющей несправедливостью, когда армянские националисты с 1987 г. начали очищать территорию своей республики от коренного тюркского населения и заявили свои претензии на часть Азербайджанской ССР – Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО). Перспектива распада Советского Союза и обретения независимости сочеталась с угрозой потери территориальной целостности Азербайджана, гибели азербайджанской общины в Карабахе, так как это уже произошло в Армении в 1988 году. Соответственно, не имея серьезного общественно-политического движения, которое бы готовило республику к независимости и переходу от тоталитаризма к свободе и демократии, Азербайджан пошел за лидерами, которые заявляли о своей готовности решить проблему армянского сепаратизма любой ценой. Большинство из этих лидеров продемонстрировали несостоятельность вывести республику из хаоса войны, социальных неурядиц и избавиться от тоталитарного наследия [2].

Рассматривая историю становления главной политической силы «демократов» – Народного Фронта Азербайджана (НФА), следует отметить, что у истоков были две разные группировки. Во-первых, это были представители интеллигенции, объединившиеся в т. н. «Бакинском клубе ученых». Деятели из этой среды исповедовали и провозглашали общедемократические ценности и идеалы. По их мнению, проблема Карабаха заключалась в сознательной провокации советских спецслужб, которые пытались удержать господство на Кавказе методом «разделяй и властвуй». Соответственно, врагами считались не армянские националисты как таковые, а преступная партноменклатурная верхушка. Выход из ситуации они видели в свержении тоталитарного строя и развитии свободного демократического общества. На этой базе, как считалось, можно было объясниться с армянами.

Однако более массовой и влиятельной была вторая группировка, которую условно можно назвать «национал-популистами». Представители этой политической среды стремились вести бескомпромиссную борьбу с армянами и дискредитировать действующую власть, как не способную справиться с первостепенной задачей.

История азербайджанского антиноменклатурного движения до его прихода к власти и во времена его правления весьма поучительна для теоретиков и практиков продвижения либерально-демократической модели общества за пределы западного мира. За событиями, предшествовавшими приходу к власти НФА, а также периодом президентства А. Ельчибея в политологии и истории уже закрепилось название «азербайджанская революция». Пользуясь аналогией с другой социально-политической революцией, можно сказать, что пребывание у власти НФА и А. Ельчибея было революционным апогеем, временем перехода в «якобинство» и стремительной деградации революционной практики. Популистская риторика и политика лидеров НФА истощали еще не окрепший государственный организм. Единственно возможной компенсацией за такую политику могла бы стать победа в Карабахе, но этого не произошло. Дошло до того, что на фоне крайнего радикализма «демократов», более респектабельно и обнадеживающе выглядели отстраненные от власти номенклатурные лидеры [5].

Приход к власти Г. Алиева в 1993 г. подавляющим большинством азербайджанцев, как национальное спасение, воспринимается выход из войны и хаоса гражданских потрясений. С точки зрения иностранных либерально настроенных обозревателей, которые не очень разбирались в реальной ситуации в республике, возвращение Г. Алиева (бывшего первого секретаря ЦК АзКП брежневской эпохи) выглядело реставрацией авторитарного режима. Начальные

мероприятия, осуществленные третьим президентом Азербайджанской Республики, были жесткими и решительными, как и положено в условиях кризиса. Важнейшим достижением Г. Алиева в начале правления было завоевание безоговорочного доверия азербайджанского общества. Опираясь на поддержку народа, президент прекратил войну в Карабахе, подавил очаги сепаратизма, расправился с военной, националистической и клерикальной оппозицией. Некоторые меры шли вразрез с демократическими принципами, однако принесли государству стабильность, а впоследствии и благосостояние. Иными словами, был заложен фундамент дальнейших трансформаций, какому бы варианту не предоставили преимущество [3].

Руководитель Администрации Президента Азербайджана Рамиз Мехтиев не претендуя на исключительность нынешней правящей элиты и понимая, что, естественно, решены еще не все проблемы, оставшиеся от прошлого, отмечал, что за последнее десятилетие Азербайджан прошел путь от пространства, которое хотели погрузить в хаос и беззаконие, сделать марионеткой в руках внешних сил, к независимому государству, в котором динамично трансформируются ценности XXI века [3].

Демократическое развитие, ставшее «достижением времени» и ознаменовало начало «конца истории», столкнулось с политической, экономической и социокультурной неподготовленностью азербайджанского социума к подобной трансформации. Сообщество получило то, к чему стремилось – независимость, однако та обусловила появление других факторов суверенного развития. Приходилось выбирать между стремлением построить эффективную систему государственного управления, где власть должна была управлять процессами, или же пустить на самотек, чтобы так называемая «демократизация» сама установила бы порядок взаимоотношений внутри общества. По мнению Р. Мехтиева, практика некоторых государств показывает, что за такую слепую «демократизацию» в итоге приходится дорого платить. Отсутствие централизованной и сильной власти в периоды становления независимой государственности способствует активизации центробежных сил, в результате чего теряется авторитет власти и имидж государства. Именно поэтому высший управленческий слой государства при Г. Алиеве в 1990-е гг. был полностью мобилизован на восстановление государственной власти и борьбу с антигосударственными вооруженными группировками, негативными последствиями периода безвластия, анархии и беззакония [4].

Таким путем команда, пришедшая к власти во главе с Гейдаром Алиевым, смогла успешно выполнить миссию по обеспечению политической стабильности и укреплению государственности. Ее задача на перспективу состоит в сохранении и передаче этого устоявшегося формата обеспечения стабильности новому поколению управленцев.

Новое время, в условиях которого формируется поэтапная трансформация азербайджанского общества, создает основу для определения новой повестки дня – развития социума. В значительной степени это обусловлено стремлением стать частью постиндустриального мира, ценности которого латентно обозначены национальным социокультурным пространством. В то же время нельзя забывать, что нынешний период для Азербайджана является переходным. Республика нелегко рассталась с «обычным» тоталитарным коммунистическим прошлым, общество стало не столько перенимать, сколько создавать новые традиции на пути построения демократического государства. Задача, стоящая перед Азербайджаном на этом этапе, заключается в эволюционном продвижении новых ценностных ориентиров, которые будут олицетворять перспективное и эффективное развитие азербайджанской государственности, интеллектуальное развитие и морально-этическое становление каждой отдельно взятой личности [5].

В последние годы часто можно услышать апелляцию к идеологии азербайджанства. Также считается, что она является одной из основ формирования новой личности. Однако до сих пор не видно фундаментальных научных разработок ее сути и составляющих частей, до сих пор на научном уровне не определена ее структура. Азербайджанский идеологический корпус и преподаватели учебных заведений довольно абстрактно представляют идеологическую концепцию и, соответственно, не включают ее в арсенал своих научно-практических

исследований. Национальной Академии наук принадлежит восполнить этот пробел и определить данные разработки как важную государственную задачу, привлекая к этой деятельности соответствующие научные институты и кафедры высших учебных заведений [5].

Изменение взглядов, появление новых ценностных ориентиров способствуют тому, что некоторые называют «вестернизацией», а другие именуют привнесением в традиционные общества универсальных ценностей. Некоторые считают влияние западных ценностей губительным, а другие – положительным факторами. Возникает вполне справедливый вопрос: какой видится и воспринимается демократия, и не стала ли она всего лишь набором стереотипов, созданных на основе видения одной стороны с целью решения определенных задач?

Современное развитие Азербайджана требует определения динамики симметричной реформации. Другими словами это именно то, о чем неоднократно говорил Президент Ильхам Алиев, подчеркивая важность реализации параллельных политических и экономических преобразований. Реформы в каждой сфере должны дополнять друг друга и способствовать дальнейшему развитию государства и общества, давать процессу новый импульс. Они должны служить стимулом для общей трансформации азербайджанского социума. Это становится еще более актуальным в свете глобальных процессов, когда в целом меняется отношение к государству, социуму и индивиду [6].

Сегодня, когда мир стоит перед лицом размывания границ и национального суверенитета, вопросы национальной самобытности модифицируются под воздействием интенсивного натиска информационно-коммуникационных технологий, человек все больше космополитизируется в свете неугасающего конфликта социокультурных факторов и потери аспектов национальной идентичности, а вопросы безопасности и религиозного фундаментализма формируют новую архитектуру мирового порядка, необходимо снова оглянуться на пройденный путь и подумать о том, чтобы политическая и социальная действительность могла отвечать тем вызовам и угрозам XXI в., перед которыми находится Азербайджан. Также важно понять, что принимаемые решения должны способствовать исключительно динамическому, экономическому и демократическому развитию Азербайджана. Поэтому нынешние главные ориентиры – это свободный гражданин, безопасная и надежная среда, интенсивное развитие экономических и политических институтов. В этом заключается стремление сделать независимый Азербайджан современным, открытым и демократическим пространством, где каждый человек знает о своих правах и свободах, а также осознает ответственность, которая возлагается на него государством и обществом.

Любые общества, находящиеся в состоянии трансформации, испытывают такое влияние Запада, которое спонтанно порождает т. н. «слепую вестернизацию», то есть принятие стандартов без взвешивания особенности национального «Я», традиций и культуры. С. Хантингтон отмечал, что это ведет либо к модернизации и вестернизации, или модернизации без вестернизации, либо ни к модернизации, ни к вестернизации, образуя в таком случае автаркичное пространство. Ментальность в этом случае, по мнению некоторых исследователей, должна выступать «защитным» фактором, крепостью, роль которой заключается в защите социального бытия от внешнего засилья новых идей и взглядов. Тем более, что не всякое новое является рациональным и прогрессивным [7].

Надо признать, что ментальность является порождением времени и способна трансформироваться в результате изменений, происходящих в тех или иных обществах. Можно ли говорить о том, что ментальность общества начала прошлого века соответствует ментальности азербайджанца в XXI веке? Не является ли ментальность порождением элит, которые нередко пытаются законсервировать общественную трансформацию, прикрываясь понятием «менталитет» и целым рядом других понятий, которым отведена роль тормоза общественного прогресса?

Таким образом, время, когда концепции и идеи заменялись технологиями или оперативными решениями в соответствии с общей логикой, а не концептуальными и новаторскими

идеями, должно постепенно меняться новыми традициями в сфере управления. Период стабилизации завершен, а на повестке дня стоит вопрос о действительно сильном и свободном демократическом обществе, более эффективном и легитимном способе управления государством.

Использованные литературные источники

1. Агаев Р., Али-Заде З. Азербайджан. Конец второй республики. (1988–1993 гг.) [Текст] / Р. Агаев, З. Али-Заде. – М.: Издат. дом «Граница», 2006. – 205 с.
2. Азербайджанская демократическая республика (1918–1920) [Текст] / под ред. Н. Агамалиевой. – Баку: «Элм», 1998. – 135 с.
3. Антология мировой мысли: в 5-ти томах [Текст] / Г. Ю. Семигин и др. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль. – М.: «Мысль», 1997. – 830 с.
4. Зиденток Л. Демократия в Европе [Текст]: перевод с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2001. – 360 с.
5. Мельвиль А. В. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов [Текст] / А. В. Мельвиль. – М.: Наука, 1986. – 214 с.
6. Павленко Р. Переход украинского общества от «массовости» до вступления гражданственности [Текст] / Р. Павленко // Молодая гвардия: альманах. – 2007. – № 7. – С. 82–102.
7. Фабрициус Ф. Права человека и европейская политика [Текст]: перевод с англ. / Ф. Фабрициус. – М.: Издательство МГУ, 2005. – 176 с.

Bibliography

1. Ahaev R., Aly-Zade Z. Azerbaidzhan. Konets vtoroi respublyky. (1988–1993 hh.) [Tekst] / R. Ahaev, Z. Aly-Zade. – M.: Yzdat. dom «Hranytsa», 2006. – 205 s.
2. Azerbaidzhanskaia demokratycheskaia respublyka (1918–1920) [Tekst] / pod red. N. Ahamalyevoi. – Baku: «Elm», 1998. – 135 s.
3. Antolohiya myrovoi mysly: v 5-ty tomakh [Tekst] / H. Yu. Semyhyn y dr. – T. 2. Zarubezhnaia polytycheskaia mysl. – M.: «Mysl», 1997. – 830 s.
4. Zyidentok L. Demokratyia v Evrope [Tekst]: perevod s anhl. / pod red. V. L. Ynozemtseva. – M.: Lohos, 2001. – 360 s.
5. Melvyl A. V. SShA – sdvyh vpravo? Konservatyzm v ydeino-polytycheskoi zhyzny SShA 80-kh hodov [Tekst] / A. V. Melvyl. – M.: Nauka, 1986. – 214 s.
6. Pavlenko R. Perekhod ukraynskoho obshchestva ot «massovosty» do vstupleniya hrazhdanstvennosti [Tekst] / R. Pavlenko // Molodaia hvardyia: almanakh. – 2007. – № 7. – S. 82–102.
7. Fabrytsyus F. Prava cheloveka y evropeiskaia polytyka [Tekst]: perevod s anhl. / F. Fabrytsyus. – M.: Yzdatelstvo MHU, 2005. – 176 s.